

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

От войны к революции: векторы социального предчувствия и пути развала Российской империи

Владимир Прохорович Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Россия

kuroneko@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8459-016X>

Аннотация

Автор доказывает, что для дальнейшего изучения предреволюционной ситуации в России необходима смена исследовательской парадигмы. При этом требуется качественное изменение и расширение источниковой базы за счет эго-документов, исходящих прежде всего от творческих элит. Исследователи до сих пор не обращали внимания на то, что предвоенное и предреволюционное время было насыщено смутными ожиданиями, предсказаниями и прогнозами в их среде. Анализ соответствующих документов показывает, что российские культурные элиты пребывали в ожидании мировых и российских потрясений. Их страхи и ожидания постепенно стали резонировать с массовой психологией. Таким образом, предпосылки революции оказались связаны с деструктивной психологией, зародившейся задолго до нее. Соответственно ход дальнейших событий оказался управляемым.

Ключевые слова

Россия, Первая мировая война, культурные элиты, правящие верхи, эмоции, предсказания, предчувствия, ожидания

Для цитирования

Булдаков В. П. От войны к революции: векторы социального предчувствия и пути развала Российской империи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 123–138. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

From War to Revolution: Vectors of Social Premonition and the Paths of Collapse of the Russian Empire

Vladimir P. Buldakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

kuroneko@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8459-016X>

Abstract

The author contends that existing approaches to studying the pre-revolutionary situation in Russia have become insufficient. This is especially true concerning the underlying conditions that led to the revolution. For an extended period, researchers have neglected the psychosocial state of Russian society. As a result, there is a pressing need for a qualitative shift and an expansion of the source material, particularly through ego-documents from the creative elites. Historians have yet to fully grasp that the pre-war and pre-revolutionary periods were characterized by vague expectations, predictions, and forecasts circulating within society. It is also crucial to analyze the extensive correspondence that genuinely captured the sentiments of the time. An examination of these ego-documents reveals that the Russian cul-

© Булдаков В. П., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 123–138
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 123–138

tural elite anticipated significant upheavals, both globally and domestically. Their fears and anticipations began to resonate with the broader masses, contributing to a decline in mutual trust within society. This breakdown fostered a tense social climate that profoundly affected the mindset of the ruling class. The nature of the autocratic system inherently stifled initiative, which led to a sense of irresponsibility among its leaders. This engendered a tendency toward imitative behavior, resulting in what can be described as a “demonstration” type of social conduct. The so-called “crisis at the top” produced a perception of administrative paralysis. The situation was further complicated by the actions of Nicholas II and his wife. Thus, the roots of the revolution were closely linked to the destructive psychology influencing both the upper and lower classes. Consequently, the unfolding events became increasingly unpredictable. Some contemporaries recognized that the so-called revolution was, in reality, a result of the self-dissolution of the autocratic system.

Keywords

Russia, World War I, cultural elites, ruling elites, emotions, predictions, premonitions, expectations

For citation

Buldakov V. P. From War to Revolution: Vectors of Social Premonition and the Paths of Collapse of the Russian Empire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 123–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-123-138

Всякая революция порождает обилие конспирологических «открытий». Россия не составляет исключения. В дополнение к этому в последнее время получила распространение «назидательная» литература: всякая революция есть зло [Митрополит Тихон (Шевкунов), 2024; Барыкин, 2025]. Правда, в начале XX в. редко кто так думал, причем не только в России.

Очевидно, бесполезно анализировать революцию в России изолированно от мировых проблем, ограничиваясь политической или социально-экономической историей. Постепенно становится ясно, что под влиянием индустриально-технологического прогресса в начале XX в. подходила к концу эпоха Просвещения. Это не могло не обернуться невиданной смутой в умах. Увы, сегодняшние конспирологи «тонких материй» людского бытия либо не замечают, либо ложно их трактуют.

Во взгляде на предреволюционную ситуацию в России назрела смена исследовательской парадигмы. Соответственно, требуется качественное изменение и расширение за счет эго-документов, исходящих из *неполитических* сфер. Поскольку всякая власть является далеко не тем, чем она пытается казаться, для оценки ее устойчивости особое значение приобретает фактор *веры* в нее. Это позволяют сделать материалы перлюстрации, широко практиковавшейся в самодержавной России.

Дурные предчувствия стали имманентной характеристикой европейского сознания в целом. Считается, что в XIX в. сознание западного человека «расщепилось: вере в прекрасное будущее противостоял ужас перед развертывающейся бездной, от которой нет спасения» [Ясперс, 2008, с. 16]. Т. Манн признавал: «...Нашему времени удалось извратить очень многое: национальность, социализм <...> миф, жизненную философию, иррациональность, веру, молодость, революцию и что угодно» [Манн, 2009, с. 294]. Впрочем, еще в 1916 г. Л. М. Рейснер писала, что «эстеты XX века... обнаружили тление и безнадежность на вершинах духовной жизни, в самом творчестве и его проявлениях» (Рудин, 1916, № 8, с. 10). Своего рода «онтологическая амбивалентность» сказалась на тогдашних предчувствиях.

Европейское сознание терзали сомнения: что принесут успехи науки, техники, промышленности, как будет меняться мир? С одной стороны, прогресс индустриализма, средств общения и новых технологий, повлек за собой материальное изобилие и «информационную революцию». Это завораживало. С другой стороны, демографический бум, усиление мобильности населения и неупорядоченная урбанизация сулили невиданные социальные коллизии. Отсюда заразительный интерес к всевозможным фантазиям, предсказаниям и пророчествам.

В России кое-кто предчувствовал дурной исход еще до войны. Выдающийся мыслитель П. А. Флоренский уверял, что его отец «был убежден в неизбежности... потрясения государства, и его мысли рационального порядка впоследствии сплелись с предчувствием грозящей катастрофы и болезненными ощущениями черной тоски» (Флоренский, 1998, с. 761–462).

Известный скульптор С. Т. Коненков утверждал, что после 1905 г. в среде художественной интеллигенции царило убеждение «в абсолютной непригодности и даже преступности существующего царского режима» (Коненков, 2003, с. 69).

На Западе ждали войны, в России – революции. «Вихрь этот чуялся еще перед грозой, в годы гнетущего затишья, когда тяжелая свинцовая пелена давила заветные волны русской жизни и литературы, – писал литературовед Иванов-Разумник – ибо вечно-текущая жизнь эта искони шла под знаком грозы и бури...» (Иванов-Разумник, 1922, с. 8).

Обычно историки прислушиваются к политикам, а не к художникам. Между тем некоторые исследователи связывали «один из самых неясных вопросов истории» с тем, что «талантливые дизайнеры, явно не отличающиеся склонностью к анализу, иногда могут предугадать форму вещей завтрашнего дня лучше, чем профессиональные аналитики» [Хобсбаум, 2004, с. 195]. Чтобы понять это, следовало бы отталкиваться от эмоциональной природы человека, отраженной в литературе и искусстве.

В России тропы творчества приобретают особое значение. Именно они соединяют экзистенциальные реалии, проникая в «коллективное бессознательное» эпохи, тогда как наука в силу своей эмпирической основы расчленяет их. Нелепо с помощью позитивистской методологии изучать стохастически-синергетические процессы, связанные с войнами и революциями. Поскольку человеческий талант обладает той «сверхчувствительностью», которой лишены исследователи-профессионалы, не следует пренебрегать творческими «фантазиями».

Уже после революции некоторые литераторы настаивали на «пророчественности искусства», связанной с особой «светочувствительностью» ее представителей. При этом отмечалось, что высшую «чувствительность обнаруживают поэзия, живопись, скульптура, музыка; низшую же – философия». Последняя «всегда запаздывает и *только осмысливает уже пройденный путь* – настолько же искусство *задолго вперед сигнализирует о надвигающейся перемене*». Поэтому, когда впоследствии «с позиций философского ретроспективизма изучаешь и оцениваешь эти сигнальные знаки, они и в самом деле становятся предвещениями, сбывшимися с неумолимой роковой точностью» (цит. по: (От символизма до «Октября», 1924, с. 240)). Действительно, разум может все «объяснить», но предугадать может только искусство; историю невозможно постичь умозрительно, надо почувствовать на себе ее неумолимый ход. В особой степени это касается империи, особенно тогда, когда она, вопреки информационной «перегрузке», по-прежнему управляется из центра.

В России предчувствие катастрофы связывали с творчеством Л. Н. Андреева, популярность которого была невероятно велика. «Он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы», – писал о нем Г. И. Чулков (поклонник «мистического анархизма»). К этому он многозначительно добавлял: «А ведь наши малые исторические катастрофы, падение того или иного социального порядка, крушение той или иной формы государственности всегда отражают в себе общую катастрофичность истории и мира... Много у нас было растревоженных людей». На этом фоне Андреев пребывал «в какой-то лихорадке, как будто ожидая чего-то страшного и последнего» (Чулков, 1999, с. 127). А. Блок считал, что Андреев «не человек, не личность, а сплав очень близких мне ужасов мистического порядка» (Блок, 2018, с. 151). Увы, многих пугали «метафизические» пророчества самого Блока.

Очень многие деятели культуры испытывали неясную тревогу: «Еще задолго до катастрофы 14-го года на сознание европейского человечества мрачной и жуткой тенью легло предчувствие грозящей гибели. Старый мир молодился и изо всех сил торопился жить». Результат закономерен: он «рухнул, сраженный своею же рукой» (Искусство старое и новое, 1921, с. 19). Это сказывалось на всех отраслях творчества. Так, В. В. Кандинский выступил с лекцией «об основных теоретических посылах нашего искусства – искусства отрицания». Действительно, общество жило духом отрицания всего старого (Коненков, 2003, с. 74). Аналогичным образом высказывались о творчестве А. Н. Скрябина: оно было «безусловным разрывом не только со всеми художественными навыками и предрассуждениями, заветами и запретами прошлого, но и со всем душевным строем, воспитавшим эти навыки... Отсюда

неудержимый, неумолимый прорыв в неведомые дотолы мира духа» (Иванов, 1991, с. 75). М. Врубель также «сознавал свою пророческую миссию» (Чулков, 1922, с. 92).

«Поэты предугадывали события, – утверждал Г. Чулков – Лирика, как лакмусовая бумажка, тотчас меняет свой цвет, когда еще простым глазом не увидишь в пробирке совершившуюся химическую реакцию. В воздухе носился сладостный и смертоносный запах, как будто запах горького миндаля. Эпитет “предсмертный” стал привычным и необходимым». А. Блок Чулков считал «сейсмографом, свидетельствующим, что близко землетрясение» (Чулков, 1999, с. 145, 153). Нечто подобное писал о другом поэте философ Ф. А. Степун: Андрей Белый «сам себя охотно называл сейсмографом». Однако к этому он добавлял долю скепсиса: «Все предчувствия и пророчества Белого – лишь пророчества и предчувствия хаоса и взрыва. Образа будущей России он не провидит и не предсказывает» (Степун, 1998, с. 160, 177). Сложилась ситуация, когда жизненным ориентиром становилась утопия, тотально отрицающая прежний миропорядок, – в данном случае это был призрак социализма.

Всему этому есть объяснение. Чрезмерная этатизация российского социального пространства порождала кумулятивный психологический эффект. Авторитарно-патерналистская власть, сдерживая склонность человека к самостоятельным «рациональным» действиям, тем самым перегружала сферу воображаемого и подсознательного. Отсюда гипертрофия эмоциональной сферы, что воплотилось в феномене великой русской литературы XIX в.

Однако предчувствие не есть прогноз. Но оно может приобрести характер «самореализующегося пророчества» – эмоции элиминируют сложившиеся бытийственные формы, в результате «где тонко, там и рвется». Впрочем, для практической политики это ничего не значило. «В том-то <...> и коренится трагедия истории, главная причина ее величественного самоистязания и ее метафизического безобразия, что образ будущего, иногда чаемый пророками и художниками, дольше всего остается сокрытым от его фактических творцов» (Степун, 1994, с. 291), – отмечал Ф. Степун. Весьма презрительно отзывался о политиках А. Блок: «Кому и чему здесь верить?.. Все – круговая порука, одна путаница, в которой сам черт ногу сломит» (Блок, 2018, с. 22).

В предвоенные годы «пророчествами» неслучайно увлеклись футуристы. Весной 1914 г. в Москве В. Хлебников начал «уверенно предсказывать, что будто летом должна разразиться мировая война». Со своей стороны, В. Маяковский предрекал грядущую развязку: «Мы сбрасываем одеяло времени и обнажаем истину – летом разразится война, а через два года совершится уничтожение русской монархии» (Каменский, 2014, с. 199). Правда, тогда ни тому, ни другому не поверили. Однако со временем стало понятно значение футуризма и прочих предвоенных «измов»: «Футуризм, с его проповедью вечного динамизма, перманентного сдвигения всех частей предметов, разрыва всех органических форм – предвещал не остановившийся по сей день процесс смещения всех пластов личной и общественной жизни <...>. Социально-историческая значимость измов была однородна с их художественно-формальными особенностями; **приемы** разложения и сдвигов сочетались с **темами** разрушения и смерти; упрощение, примитивизация, разрыв, смещение, сдвиг, распыление старых **форм** поэзии и искусства соединялись с изображением **моментов** войны, мятежей, схваток, восстаний, окопов, баррикад, взрывов, развала, окостенения» (От символизма до «Октября», 1924, с. 241–242). Со временем этот феномен разглядели многие, тогда как ранее казалось (и не только марксистам), что социальные катастрофы порождаются материальными, а не духовными кризисами.

Всякое художественное творчество тяготеет к системно-образному и вместе с тем к сущностному мировосприятию. Напротив, научная мысль XIX в., включая гуманитарную сферу, базировалась на позитивистских основаниях и, соответственно, на упрощенных причинно-следственных зависимостях. К тому же тогдашние представления о прогрессе поддерживались «экспонентными» данными из материально-производственной сферы. Все это провоцировало, с одной стороны, веру в «светлое будущее», с другой – боязнь «опоздать», что особенно негативно сказывалось на поведении политиков.

На этом фоне российские консерваторы по традиции готовились к худшему. «С непонятной жадной новизны стремились мы вступить в новый, XX-й век, – уверял небезызвестный С. А. Нилус¹. – Точно некая незримая сила толкала нас разорвать <...> цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого» (Нилус, 2017, с. 76). На низовом уровне механизм предчувствий получал вульгарные воплощения. «Старые бабы пророчествуют пришествие Антихриста и Анчутки беспятого, свержение царств и “бедствия народные”» (Записки сестры милосердия, 2014, с. 115), – отмечали летом 1915 г. в Твери. За два года до этого Г. Чулков написал роман «Сатана», главным героем которого был Фалалей Григорьевич Беспятов² – «зачинатель всей нашей черной смуты» (Чулков, 1915, с. 8). Словно комментируя все это, Н. А. Бердяев писал: «Пророческая русская душа чувствует себя пронизанной мистическими токами. В народной жизни это принимает форму ужаса от ожидания антихриста» (Бердяев, 1990, с. 31).

Люди – и низы, и элиты – бессознательно воспринимают мир через знакомые нарративы, а пророчества о последних временах – едва ли не самые убедительные из них. На деле исследования по прогнозированию показывают, насколько мала людская способность предугадывать будущее; напротив, простое внимание к «базовой ставке» прошлых исторических событий позволяет предсказывать будущее гораздо точнее. «Психологи доказали, что люди “скупы на познание”, что мы чураемся строгого анализа и предпочитаем эвристику <...>» [Бернстайн, 2024, с. 48, 50]. Поэтому недостаточно констатировать событийную «преемственность»: надежнее ориентироваться на *цикличность* происходящего, исходя из неизменности человеческих качеств (Полибий). Увы, эпоха Просвещения перечеркнула познавательные практики античности.

Тем не менее, некоторые предчувствовали дурной исход с самого начала войны. «Эта война была необыкновенная – нехорошая, страшная, не такая, как все предыдущие войны, – писал композитор Л. Л. Сабанеев. – И я это чувствовал, и, сдавалось мне, и многие это же самое чувствовали. В воздухе повисла какая-то обреченность – и это была не апатия, и это не было отсутствием веры в успех – нет, это было смутное историческое предчувствие» (Сабанеев, 2004, с. 15). Впрочем, задним умом все крепки; мемуаристы склонны опрокидывать современные представления в прошлое.

Существует точка зрения, что накануне войны наиболее реалистично указал на грозящую опасность от столкновения с Германией лидер группы правых Государственного совета П. Н. Дурново. В феврале 1914 г. этот германофил предупреждал, что война выгодна только Англии, которая всегда решала свои задачи чужими руками. А поскольку основная тяжесть европейской борьбы ляжет на Россию, возникнет ситуация, известная по русско-японской войне: активизируется оппозиция, провоцирующая революционную стихию. В результате «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» (Дурново, 1922, с. 187–188, 196). Нечто подобное писал П. А. Столыпин в июле 1911 г.: война будет губительна для России и династии (Столыпин, 2004, с. 425). Бывший премьер С. Ю. Витте считал, что «нынешняя война – это единоборство Великобритании и Германии за мировую гегемонию <...> остальным державам суждено сыграть роли статистов в этой схватке» (Барк, 2017, с. 274–275). А уже в начале войны немецко-русский авантюрист А. Парвус (И. Л. Гельфанд), считавший себя истинным социал-демократом, предлагал услуги кайзеру по «революционизированию России», также опираясь на опыт 1905 г.

«Боюсь, что мои предположения начинают оправдываться, и война, чем бы она для нас ни кончилась – победой или поражением, – разразится великой революцией, которая сметет бюрократию, но вместе с тем уничтожит много памятников культуры, – писал военный юрист, монархист А. Жиркевич. – И во мне крепнет убеждение, что Родина моя – на краю гибели» (Жиркевич, 2007, с. 275). Это было сказано в июле 1916 г., когда, казалось, ситуация на фронте улучшилась. В 31 декабря он отметил: «Последний день старого умирающего

¹ Пропагандист «Протоколов сионских мудрецов».

² Согласно народному поверью чёрт был лишен пяток.

1916 года ничем хорошим Россия не помянет» (Жиркевич, 2007, с. 289). Так и случилось, причем причины этого лежат именно в сфере общественной психологии.

Люди не верили власть предержащим, а затем перестали верить во власть. По самой своей природе самодержавная система продуцировала безынициативность, порождавшую, в свою очередь, безответственность. Отсюда склонность к имитации деятельности, формирующая «показушный» тип поведения. Врожденные черты псевдоморфности системы получали гипертрофированное выражение в экстремальных обстоятельствах, что стимулировало процессы саморазрушения. «Кризис верхов» порождал, в свою очередь, подобие административного ступора.

В условиях войны управленческая система должна была измениться. Теоретически следовало усилить централизации управления, но при одновременном расширении сферы общественной самодеятельности. Общественная самодеятельность должна была подпитывать решения власти. Получалось с точностью до наоборот: Николай II отдалялся от своих естественных обязанностей, в общественной среде плодились «говорильни».

Как известно, в связи с войной самодержавие вынуждено было уступить общественности, дозволив образование Земского и Городского союзов для помощи фронту, а также Особых совещаний, призванных мобилизовать промышленность, хозяйственную инфраструктуру и логистику. Между тем в правительстве предпринимателей не любили. Государственный контролер П. А. Харитонов заявлял: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно» (Совет министров, 1999, с. 119). Вспоминали недобрым словом и «грабителей-спекулянтов», именуемых обычно «мародерами тыла».

Событиями во все большей степени правила взаимная подозрительность. Известно, что ни одна система, включая авторитарную, не может существовать без некоторого минимума человеческого доверия. Однако царь был склонен доверять лишь министрам; парламентское большинство, напротив, настаивало на создании «правительства доверия», ответственного перед Думой. И это происходило в атмосфере бездумно нагнетаемой – и сверху, и снизу – шпиономании и германофобии. Во власть должны были прийти профессионалы, способные работать в экстремальных обстоятельствах, поддерживая связь с оппозицией. Таковых не находилось. В результате управленческая вертикаль строилась привычным «назначенческим» способом. Если верить военному министру В. А. Сухомлинову, ставшему жертвой общественного недовольства, то император при выборе всякого ответственного лица задавался лишь одним вопросом: «будет интриговать и подкапываться?» (Сухомлинов, 2021, с. 337).

Интенсивность отставок и назначений, ротаций и рокировок в верхах породила образ «чехарды». Одни искали ее причины в «провинностях» министров, другие – во влиянии «темных сил». Все было проще: потеряв ориентацию, император метался в поиске людей, которым он мог бы абсолютно доверять, не опасаясь ущемления своих «богоданных» прерогатив.

Постепенно предчувствие дурного конца передалось от людей творчества к высшим администраторам: те и другие впитывали в себя плоды единого культурного наследия, не говоря уже о миазмах массовой культуры сумбурного времени. Их общее гипертрофированное представление о «безобразиях» в верхах передавалось в «темные» низы через всевозможные слухи и наветы. Все это не могло не сказаться на судьбе династии.

В войну Совет министров работал в авральном-ситуационном режиме: всякое решение принималось с учетом пожеланий царя, требований Ставки, позиции Думы, международного общественного мнения, не говоря уже о настроениях масс. «Я чувствую бремя и горе ответственности, – заявлял в июле 1915 г. А. В. Кривошеин, считавшийся «либеральным» министром. – Несем свою голову на блюде» (Совет министров, 1999, с. 208). Это было преувеличением: ничем, кроме своего поста, министры не рисковали.

Авторитарная власть, особенно российская, боязлива и самонадеянна одновременно. Война усугубила ее врожденные качества. Вместо эффективных управленцев система интенсивно порождала царедворцев. Рассчитывать на искреннюю преданность таких сановников

не приходилось. В конечном счете император шаг за шагом стал уступать им свои привилегии. Соответственно его личные слабости стали преувеличиваться – сначала в верхах, затем в низах.

К этому добавлялся социокультурный фактор. Управленческая вертикаль в силу своей авторитарной инерционности выстраивалась по архаичному принципу. При этом ей приходилось управлять промышленностью и торговлей, базировавшимися на рыночно-конкурентных (пусть недоразвитых) основах. По своему духу управленческие структуры оставались «антибуржуазными», а так называемая деловая буржуазия еще не созрела до понимания общественных интересов.

Ситуация усугублялась монаршими слабостями. Даже сугубо лояльные мемуаристы отмечали, что у Николая II «не было дара повелителя», который мог бы «покорять сердца и вести за собой людей» (Лукомский, 2012, с. 719). В спокойных условиях он мог оставаться бесцветной ритуальной фигурой. Но в критических ситуациях даже «безликая» власть обязана показать достойное национальное *лицо*. Между тем против власти стала оборачиваться германофобия. Уже в ноябре 1914 г., во время визита на Кавказ, местная элита обратила внимание на то, что «веселилась прислуга государя: лилась немецкая речь – все немцы»³. Николай II подобных «мелочей» не замечал.

В августе 1915 г. император совершил роковой шаг – объявил себя Верховным главнокомандующим. «Больше нет правительства», – такую реакцию на это событие приписывали председателю Думы М. В. Родзянко. Действительно, присутствие в столице императора несколько гасило взаимные претензии Совета министров и Ставки, Совета министров и Думы, не говоря уже о взаимоотношениях между министрами. В его отсутствие уровень взаимного недовольства возрос. Так, попытку членов Думы и Госсовета самостоятельно разобраться в положении дел в стране А. В. Кривошеин воспринял как «выпад против власти». Другой министр Н. Б. Щербатов высказался еще резче: «Полная анархия и безвластие. Упразднение власти нормальной на руку революции» (Совет министров, 1999, с. 218, 221).

Всякая власть старается излучать уверенность. На деле «бумаги А. Н. Яхонтова» (фактически дневник), помощника управляющего делами Совета министров, рисовали иную картину: министры грызлись между собой, то и дело впадали в панику. Правительственные назначения вызывали изумление. Характерно впечатление министра земледелия А. Н. Наумова о состоянии управленческой структуры: «машина неслаженная», «произвол отдельных министров», «злоупотребление волей и именем государя». Отсюда вывод: общий ход управления «во многих случаях зависел от воздействия на государя того или другого отдельного министра» (Наумов, 1954, с. 358). В ноябре 1915 г. министр просвещения П. Н. Игнатьев недоумевал: «А. Трепов – министр путей сообщения... Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял» (цит. по: [Россия..., 2014, с. 669]). Тем не менее, со временем А. Ф. Трепов стал премьер-министром. С ним не считались ни министры, ни камарилья: «Получалось такое впечатление, что на посту премьера нет премьера» (Клячко, 1930, с. 66, 69).

И здесь не обошлось без преувеличений: соблюдение внешней политкорректности компенсировалось внутренним злословием. Создавалось впечатление «клубка змей». Это стало замечаться за пределами правительственных сфер. Соответственно, даже умный и порядочный человек в глазах общественности мог предстать в роли дурака и негодяя.

Поражала амбивалентность представлений сановников о власти и своей роли в ней. В августе 1915 г. у Сазонова вырвалось: «Управлять страной не можем. Мы бессильны служить и вредны». Н. Б. Щербатов «пояснил»: «Правительство за собою не имеет армии, города, земства, купцов, дворян – не может существовать» (Совет министров, 1999, с. 234). Тем не менее, министра иностранных дел «антантофила» и «либерала» С. Д. Сазонова в июле 1916 г. сменил Б. В. Штюрмер. Он имел репутацию «если не готового предателя, то готового предать». Говорили, что в июне 1916 г. он готовил роспуск не только Государственной думы,

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 42.

но и Государственного совета [Пушкарева, 1982, с. 107]. «У страны нет доверия к правительству, а армия надеется на Думу и военно-промышленный комитет», – признавал государственный контролер П. А. Харитонов в августе 1915 г. (Совет министров, 1999, с. 215).

Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, полагал, что смена министра иностранных дел во время войны – верх нелепости (цит. по: [Черменский, 1976, с. 185]). Генерал был честным, но наивным человеком: он мечтал «примирить» главу Земского союза Г. Е. Львова с царем (Мельгунов, 1964, с. 202, 208). Со временем конспирологи сделали его одним из заговорщиков против династии.

М. В. Родзянко пытался добиться от императора кадровых изменений в правительстве. Характерна реакция императора. В письме Александре Федоровне от 25 июня 1916 г. он сообщал, что Родзянко болтал всякую «чепуху» (Переписка Николая и Александры Романовых, 1926, с. 342). Фактически власть отрезала себе пути к отступлению.

Назначение в сентябре 1916 г. на ключевой пост министра внутренних дел октябриста А. Д. Протопопова также приобрело деструктивное значение. Поначалу общественность возлагала на него некоторые надежды. Между тем его назначение предопределил фактор иного порядка: будучи товарищем председателя Думы во время визита российской парламентской делегации в Великобританию он заслужил одобрение королевского двора. Возможно, Николай II надеялся также, что это назначение поможет навести связи и с российской общественностью. На деле думцы посчитали Протопопова ренегатом. Получалось, что царь вольно или невольно одурачил оппозицию, мечтавшую объединить все общественные организации под эгидой Прогрессивного блока.

Протопопов свое назначение понял по-своему, решив, что для начала обязан доказать свою преданность самодержцу. Последовал нелепейший поступок: бывший «представитель общественности» явился в Думу в жандармском мундире! Некоторое время Протопопов метался между двором и оппозицией, но в итоге круто повернул вправо. Так, он выступил за скорейший роспуск Думы. «Япония одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим», – так он мотивировал свое намерение (Падение царского режима, 1924, с. 110, 259). Люди, неожиданно подброшенные к авторитарной власти, в полном смысле слова «теряли себя».

Впрочем, управленческий хаос усиливался независимо от сплетен и слухов. В принятие ключевых решений все чаще вмешивалась императрица. Она всякий раз стремилась избавиться от «либералов», а однажды предложила уволить всех министров разом, оставив лишь безвредного, но и бесполезного «старика» И. Г. Горемыкина. А пока Александра Федоровна регулярно принимала министров, император объяснял им: «Если вам что[-то] нужно передать, то скажите государыне. Она мне каждый день пишет». Говорили, что Штюмер регулярно являлся к ней с докладами – на еженедельных визитах якобы настоял Распутин [Россия..., 2014, С. 651–652]. Самодержавная власть словно опошлилась до власти «семейной». Общественность воспринимала это по-своему: «Министерские портфели переходили из рук в руки, мелочные назначения поражали своей неожиданностью и как будто преследовали одну определенную цель – дразнить Государственную думу»⁴, – считал предводитель московского дворянства П. А. Базилевский.

В каждом из премьеров стали видеть очередного «калифа на час», связывая его назначение с Распутиным. «Феномен Распутина» нагнетал напряжение не только в верхах, но и в стране. Происходящее «мыслимо только в воспаленном русском воображении. Это из Достоевского и страшных сказок» («Война стала противна..., 2014, с. 141), – считал С. И. Вавилов – будущий выдающийся ученый. Однако дело было не в Распутине и «темных силах». Разваливалась система управления, генетически настроенная на застой, но пытавшаяся практиковать диктат. Естественно, современники – как сознательно, так и бессознательно – гипертрофировали слабости и пороки старого режима. В общем, это была «стан-

⁴ НИОР РГБ. Ф. 15. П. 4. Д. 1. Л. 46 – 46 об.

дартная» ситуация. «Судьбоносная роль, которую лицемерие и страсть к его разоблачению стали играть в последние годы французской революции, – исторически зафиксированный факт, хоть это и не перестает вызывать удивление историков», – писала Х. Арендт [2011, с. 132]. Так было и перед падением Романовых.

Всякое действие власти воспринималось как «ошибочное». «Покровского⁵ посадили на то место, куда он не годится. Но как чиновник он за все берется: прикажут – завтра акушером будет, – писал в декабре 1916 г. видный кадет Ф. И. Родичев. – Эти назначения <...> показывают <...> каким малым количеством ума управляется мир»⁶. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в январе 1917 г. писал: «Государь меняет министров с небывалой и зловещей быстротой, наводящей на самые мрачные опасения... России угрожает революция... Обидно, что войну мы проигрываем»⁷.

Действенность системы, построенной по авторитарно-патерналистскому принципу, прямо пропорциональна энергии и решительности направляемых сверху директив. При этом эффективность последних должна быть очевидна. В противном случае «тонкие материи» имперского бытия рвутся. Коррупция, со своей стороны, морально выхолащивает систему управления, а затем лишает ее государственной осмысленности.

В значительной степени это оказалось связано с деятельностью железных дорог. Бесконтрольность местных властей порождала злоупотребления железнодорожных агентов, систему подкупа. Порой доходило до абсурда. «Некоторые гласные предлагали ассигновать деньги на “толкачей” грузов по железной дороге <...>, – отмечали в Сибири в декабре 1916 г. – Вот она, купеческая матушка Россия, и глупая, и невежественная, и склонная к коррупции» (Серебренников, 2008, с. 285). Управляющий Одесским отделением Дворянского государственного банка в декабре 1916 г. писал либералу Ф. Н. Шипову в Москву: «Видя хищения, мы не только не ловим хищников, но сторонимся, так как боимся быть запачканы ими <...> Вернутся солдатики и революция неизбежна. Ведь все солдаты озлоблены и озверели. Ужас <...> Жутко перед будущим»⁸.

В январе 1916 г. в Совете министров рассматривался вопрос об усилении наказаний за «мздоимство и лихоимство», а также за задержки в исполнении правительственных военных заказов. Репрессивные меры оказались недостаточными. Профессор В. И. Савва в ноябре 1916 г. сообщал генералу Ф. А. Келлеру: «То, что у нас делается, может делать болван или предатель <...> Причина безобразий в том, что берут мелкую рыбу, а не крупную». Далее он отмечал: «Одним война принесла наживу, другие за войну потому, что подозревают правительство в желании заключить предварительно мир; слишком привыкли быть в оппозиции к правительству. Толки, что оно покровительствует евреям, сделали многих юдофобами»⁹. Смятение умов продолжилось.

«В нынешние времена только дурак в убытке», – такие разговоры можно было услышать в московском трамвае (Городцов, 2019, с. 21). «В деревне изобилие, а в городах – нужда <...> Мы все живем в осажженной стране, – писали в ноябре 1916 г. из Думы известному правому деятелю А. С. Вязигину. – Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие»¹⁰. Как выразился герой романа Г. Чулкова, «я человек не суеверный <...> но, право, мне чудилось порою, что какие-то дьяволы направляют иных особ <...> на деяния гнусные» (Чулков, 1915, с. 39).

Было бы неверным связывать организационный развал с индивидуальной некомпетентностью людей, призванных принимать те или иные решения. При ослаблении центра управления противоречия ведомственных интересов обострялись автоматически. Отставные минист-

⁵ Н. Н. Покровский – последний министр иностранных дел Российской империи.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1445.

⁷ Там же. Д. 1068. Л. 71.

⁸ Там же. Д. 1066. Л. 1723.

⁹ Там же. Д. 1061. Л. 1130.

¹⁰ Там же. Д. 1059. Л. 979.

ры невольно оказывались в положении оппозиционеров, потерявших надежду на самодержавие. Весь правящий слой утратил волю к защите монархии.

К способностям императора руководить армией отношение было более чем скептическое. Французский военный наблюдатель при Ставке майор Ж. Ланглуа 2 января 1916 г. докладывал: «Империей больше никто не управляет. Правительство и двор подталкивают Николая II к реакции, тогда как либеральное движение в Москве под влиянием Гучкова доходит в своей критике до враждебности. На самом деле армиями командует только генерал Алексеев...» (цит. по: [Война, революция, мир, 2019, с. 21]). Другой француз – посол М. Палеолог, по словам А. Н. Бенуа, «мрачно смотрел на положение дел». Он пророчил «в будущем у нас анархию, а для всего мира *une longue période de guerres!*»¹¹ (Бенуа, 2003, с. 17).

Тем временем обострялась проблема подвижного состава железных дорог, осенью-зимой 1916 г. произошло несколько крушений [Сенин, 2009, с. 162]. В начале февраля 1917 г. из Новочеркасска писали о нехватке паровозов – использование «угля дурного качества» ведет к быстрому изнашиванию их механизмов. А между тем «хороший уголь распродавался по грабительским ценам обывателям и вывозился». «Что же будет с Россией, если движение по железным дорогам совсем прекратится?» – беспокоился автор письма¹². Сегодня трудно вообразить, что на судьбе громадной империи мог столь основательно сказаться прозаический «угольно-паровозный» фактор.

Безнадежность положения в верхах улавливалась даже в глубокой провинции. «Наши паршивые правители уж очень зазнались и в ус себе не дуют; ну, наверно, и им скоро будет крышка», – писали в ноябре 1916 г. из Пермской губернии¹³.

Последние акты министерской «чехарды» вызвали изумление. Нового премьера Н. Д. Голицына характеризовали так: «Фигура очень неприятная, надменная, ни особого ума, ни талантов». Были и другие отзывы. «Голицын, дряхлый и неумный, будет ширмой, – писали из Петрограда в январе 1917 г. – Про него сам министерский швейцар говорит: “Какой уж он председатель, когда в галоши сам влезть не может”»¹⁴.

Позднее находящийся в эмиграции один из последних деятельных министров А. А. Ритих, ознакомившись с записями хода правительственных заседаний, сделал вывод: «Совет министров как-то замыкался в самом себе <...>. Желания действовать за свой личный страх... мало чувствуется. Российская способность быть очень умным и не иметь никакой воли к действию... видна вовсю. Причины революции ясны в этих заседаниях за два года до катастрофы» (Совет министров, 1999, с. 429). Безволием оказался поражен не только самодержец, но и его министры. Хуже того, они разучились имитировать волю к действию. Язык власти стал непонятен.

Уже после падения монархии известный публицист Е. Поселянин (Е. Н. Погожев) опубликовал статью с характерным названием «Обвал трона». По его мнению, самодержавие выродилось в «злейшую форму олигархии». Высшая власть, которая вроде бы «держала в плену всю страну», на деле «сама находилась в плену у малой кучки придворных дельцов, и придворный комендант <...> стал невидимой шестерней механизма, к которой присоединились еще и тайные безответственные влияния» (Новое время. 1917. 8 марта). Впрочем, таков удел любой авторитарной власти, которая по мере внутреннего оскудения замыкается на самой себе.

Удивительно, до какой степени в народе перестали стесняться в выражениях, характеризуя «помазанника Божьего». Возникали перверсии царственного образа. Слова о «предательском» и «шпионском» окружении царя повторялись во всех слоях общества – в армии и тылу. Ветеран русско-турецкой войны, 62-летний крестьянин Курской губернии высказался так: «Как мы воевали, то с нами на позициях был сам ГОСУДАРЬ с Князьями, мы тогда бра-

¹¹ Длительный период войн (фр.).

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 1061. Л. 1167.

¹⁴ Там же. Д. 1068. Л. 16.

ли и побеждали, а этот ГОСУДАРЬ <...> только гуляет в саду с немцами». Некий мещанин из Стародуба заявил: «Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии, и он сам в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРЮ победить» [Колоницкий, 2010, с. 103–104]. Массовое сознание требовало визуального подтверждения близости к царю, способному лично вести к победе, но удовлетворения оно не получало. Анонимный автор из Скопина (Рязанская губерния), сравнивая царя с кайзером, писал в январе 1917 г.: «У врагов наших распоряжается один человек с большим умом и громадной волей, а... царь наш слаб и безволен. Министры его затравлены Думой и меняются чуть не каждый день, а Дума заботится о нас столько же, сколько о прошлогоднем снеге, – ей милы поляки, финляндцы, еще более немцы, а еще более евреи.... Мы никому не верим и менее всего верим Думе»¹⁵.

Люди интеллигентные замечали, что мужики «высказывали мысли, страшные по своей типичности; они думают, не лучше ли было бы, если бы Вильгельм нас завоевал?» Крестьян привлекало то, что у немцев «все такое хорошее, машины, порядок – вера одна, Бог один» (Художники в Первой мировой войне, 2013, с. 356). В критические моменты истории в граждански недоразвитых обществах просыпается своего рода коммуникативный инстинкт – следует бестиаризация врага. Но со временем может последовать характерная перверсия: свой становится чужим, чужой – своим. Это таит в себе поистине роковую угрозу патерналистской системе.

По некоторым данным, в 1914 – середине 1915 г. Николая II сравнивали в низах то с дурной деревенской бабой, то с нерадивым крестьянином; со временем к этому добавились обвинения в вовлечении страны в ненужную войну. Неэффективность руководства объясняли по-крестьянски: «У Царя пять дочерей, целый бардак, им всем нужно приданое, и вот он и пьет из нас кровь» (цит. по: [Белов, 2017, с. 84]). Самый образ царя в массе населения тускнел.

Некоторые исследователи, отталкиваясь от публичной визуализации образа Романовых, считают, что десакрализация царской четы происходила постепенно и ненамеренно, при этом пагубную роль сыграло подражание британским репрезентациям монарших особ. В результате облик царской семьи слишком опростился и даже «обуржуазился»; создалось впечатление, что императора больше занимают семейные, нежели государственные дела [Rowley, 2009, p. 125–152]. Так или иначе, ни поведением, ни манерой держаться Николай II не подтверждал способности быть подлинным «Хозяином Земли Русской».

Как было замечено, «властитель должен видеть все насквозь, но не позволять смотреть в себя». Это обусловлено тем, что «уважение к диктатурам» связано с их способностью к «концентрации тайны» [Канетти, 1997, с. 314]. Напротив, фигура царя сделалась не просто «прозрачной», но и «пустой». Сам же Николай II не видел вокруг себя ничего, кроме камарильи и химер собственного воображения.

Самодержавный принцип изживал себя на глазах у всех. В конце декабря 1916 – начале января 1917 г. великий князь Александр Михайлович писал Николаю II: «Нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение». В начале февраля великий князь отмечал, что «недовольство растет с большой быстротой», и все шире становится пропасть между императором и народом (Письма и доклады, 2016, с. 465, 468). Однако любые предостережения были бесполезными.

Для многих зрелище распада становилось невыносимым. «Виделся с управленскими индюками-недоносками, высиживающими свое недомыслие с протирианием штанов на канцелярских стульях..., – записывал в дневнике военный врач, побывавший в столице. – Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства». Он отмечал, что «на всем видны следы исконного холуйско-хамского самодержавного режима, дающего радостную жизнь всем плутам, шулерам, миро-

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 30.

едам и разного рода штукмейстерам» (Кравков, 2016, с. 282–283). Так же было в провинции. «Настроение прескверное. Газетные известия с войны плохие, кругом казнокрадство, бессовестная спекуляция и массовое уклонение от воинской повинности..., – писали в ноябре 1916 г. из Киева. – А тут еще думские дрызги, породившие пропасть самых невероятных слухов. Словом, Россия совершенно провалилась на экзамене»¹⁶.

Событиями управляли страхи и ожидания. Дело было не только в людском недовольстве. Иерархия рушилась, империя становилась неуправляемой.

«Собственно говоря, у нас в России не революция. Все так устали, что рады были броситься в объятия всему новому, обещавшему не возвращение к прежнему, – записывал А. Жиркевич. – Все сразу и на все согласились. Если бы не это единодушие и общества, и армии, и народа, то разве Россия в три дня признала бы Временное правительство» (Жиркевич, 2007, с. 294). «Царь, сам свалившийся с престола, – не царь» (Блок, 2001, с. 655) – считал А. Блок. Н. М. Мендельсон, некогда изучавший демонологические образы XVIII в., а позднее сочинивший биографию Н. М. Салтыкова-Щедрина, в 1917 г. выразился и того проще: «Революции не было, самодержавия никто не свергал. А было вот что: огромный организм заболел каким-то сверх-сифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась»¹⁷.

К сожалению, современные историки игнорируют то, что некоторым проницательным людям было ясно более столетия назад. Революция изучается в парадигме, заданной обанкротившимися доктринами, используя при этом *их* политическую логику. Однако русская революция имела куда более сложное – психоментальное и аксиологическое – измерение. Без осознания этого факта историческое сознание так и будет безвольно бродить по замкнутому кругу, вовлекая общество в новый цикл идейных заблуждений.

Список литературы

- Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
- Белов С. Б. Патриотизм 1915 года. Н. Новгород: Изд-во ВГУВТ, 2016. 41 с.
- Барыкин Ю. М. Большевики: криминальный путь к власти. М.: Родина, 2025. 462 с.
- Бернштейн У. Заблуждения толпы. Почему люди коллективно сходят с ума. М.: АСТ, 2024. 672 с.
- Война, революция, мир: Россия в международных отношениях: 1915–1925. М.: Аспект Пресс, 2019. 491 с.
- Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 527 с.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2010. 657 с.
- Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей, эссе. М.: Культурная революция, 2009. 368 с.
- Митрополит Тихон (Шевкунов). Гибель империи. Российский урок. М.: Вольный странник, 2024. 396 с.
- Россия в годы Первой мировой войны: Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
- Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: Транспортная книга, 2009. 316 с.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
- Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 318 с.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1190.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 165. Карт. 1. Д. 1. Л. 8 – 8 об.

- Ясперс К.** Власть массы // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М., 2008. С. 10–185.
- Rowley A.** Monarchy and the Mundane: Picture Postcards and Images of the Romanovs: 1890–1917 // *Revolutionary Russia*. 2009. Vol. 22 (2). P. 125–152. DOI 10.1080/09546540903274618

Список источников

- Барк П. Л.** Воспоминания последнего министра финансов Российской империи: 1914–1917. М.: Кучково поле, 2017. Т. 1. 492 с.
- Бенуа А. Н.** Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. 704 с.
- Бердяев Н. А.** Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 346 с.
- Блок А. А.** Записная книжка. М.: Т8RUGRAM, 2018. 474 с.
- Блок А. А.** Интеллигенция и революция // Блок А. А. Собр. соч. М., 2001. С. 9–20.
- «Война стала противна, исчезло всякое представление о ее нужности»: Из военных дневников С. И. Вавилова: 1914–1916 гг. // *Исторический архив*. 2014. № 4. С. 115–143.
- Дурново П. Н.** Записка // *Красная новь*. 1922. № 6 (10). С. 178–199.
- Городцов В. А.** Дневники ученого: 1914–1918. М.: Исторический музей, 2019. Кн. 2. 380 с.
- Жиркевич А.** Потрясенные тени... Симбирский дневник. М.: Этерна-принт, 2007. 638 с.
- Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 240 с.
- Иванов В.** Предчувствия и предвестия. Сборник. М.: Гос. ин-т театрального искусства, 1991. 102 с.
- Иванов-Разумник.** Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. Пг.: Эпоха, 1922. 171 с.
- Искусство старое и новое / Под ред. К. Эрберга. Пг.: Алконост, 1921. 186 с.
- Каменский В. В.** Жизнь с Маяковским. Пермь: Пушка, 2014. 276 с.
- Клячко Л. М.** Повести прошлого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 176 с.
- Коненков С. Т.** Пророчества о войне. Письма Сталину. М.: Родина, 2003. 240 с.
- Кравков В. П.** Великая война без ретуши: Записки корпусного врача. М.: Вече, 2016. 432 с.
- Лукомский А. С.** Очерки из моей жизни: Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2012. 750 с.
- Мельгунов С. П.** Воспоминания и дневники. Париж: Les Éditeurs Réunis, 1964. Вып. 1. 246 с.
- Наумов А. Н.** Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. Кн. 2: 1869–1917. 377 с.
- Нилус С. А.** Близ есть, при дверях. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2017. 576 с.
- Новое время. 1917. 8 марта.
- Особые журналы Совета министров Российской империи: 1916 год. М.: РОССПЭН, 2008. 758 с.
- От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924. 303 с.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 2-е изд., испр. М.; Л.: Госиздат, 1924. Т. 1. 432 с.
- Переписка Николая и Александры Романовых. М.: Госиздат, 1926. Т. 4. 438 с.
- Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II: 1889–1917. М.: Кучково поле, 2016. 652 с.
- Рудин. 1916. № 8.
- Сабанеев Л. Л.** Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2004. 268 с.
- Серебренников И. И.** Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.
- Степун Ф. А.** Встречи. М.: Аграф, 1998. 256 с.

- Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 1994. 644 с.
- Столыпин П. А. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. 702 с.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания. М.: Прозаик, 2021. 588 с.
- Флоренский П. Имена: Сочинения. М.; Харьков: ЭКСМО-Пресс, Фолио, 1998. 912 с.
- Художники в Первой мировой войне: В. А. Фаворский – М. В. Фаворская. И. С. Ефимов – Н. Я. Симонович-Ефимова: Письма. М.: Б. и., 2013. 461 с.
- Чулков Г. Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. 861 с.
- Чулков Г. Наши спутники. 1912–1922. М.: Изд-во И. В. Васильева, 1922. 199 с.
- Чулков Г. Сатана. М.: Жатва, 1915. 185 с.
- Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин: О. Кирхнер и К°, 1923. Ч. 2. 212 с.

References

- Arendt H. O revolyutsii [On the Revolution]. Moscow, Evropa, 2011, 464 p. (in Russ.)
- Barykin Yu. M. Bol'sheviki: kriminal'nyi put' k vlasti [Bolsheviks: the Criminal Path to Power]. Moscow, Rodina, 2025, 462 p. (in Russ.)
- Belov S. B. Patriotizm 1915 goda [Patriotism of 1915]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo VGUVT, 2016, 41 p. (in Russ.)
- Bernstein W. Zabluzhdeniya tolpy. Pochemu lyudi kollektivno skhodyat s uma [Elusions of the Crowd. Why People Go Collectively Mad]. Moscow, AST, 2024, 672 p. (in Russ.)
- Canetti E. Massa i vlast' [Crowd and Power]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 527 p. (in Russ.)
- Chermensky E. D. IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii [The IV State Duma and the Overthrow of Tsarism in Russia]. Moscow, Mysl', 1976, 318 p. (in Russ.)
- Hobsbawm E. Epokha krainostei: korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991) [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 2004, 632 p. (in Russ.)
- Jaspers K. Vlast' massy. In: Jaspers K., Baudrillard J. Prizrak tolpy [The Phantom of the Crowd]. Moscow, 2008, pp. 10–185. (in Russ.)
- Kolonitsky B. I. "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny ["Tragic Erotica": Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 657 p. (in Russ.)
- Mann T. Aristokratiya dukha. Sbornik ocherkov, statei, esse [Aristocracy of the Spirit. Collection of Essays, Articles and Reports]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2009, 368 p. (in Russ.)
- Metropolitan Tikhon (Shevkunov). Gibel' imperii. Rossiiskii urok [The Death of an Empire. Russian Lesson]. Moscow, Vol'nyi strannik, 2024, 396 p. (in Russ.)
- Petrov Yu. A. (ed.). Rossiya v gody Pervoi mirovoi voiny: Ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'-nye protsessy, politicheskii krizis [Russia during the First World War: Economic Situation, Social Processes, and Political Crisis]. Moscow, ROSSPEN, 2014, 982 p. (in Russ.)
- Pushkareva I. M. Fevral'skaya burzhuzno-demokraticeskaya revolyutsiya 1917 g. v Rossii [The February Bourgeois-Democratic Revolution of 1917 in Russia]. Moscow, Nauka, 1982, 320 p. (in Russ.)
- Rowley A. Monarchy and the Mundane: Picture Postcards and Images of the Romanovs: 1890–1917. *Revolutionary Russia*, 2009, vol. 22 (2), pp. 125–152. DOI 10.1080/09546540903274618
- Senin A. S. Zheleznodorozhnyi transport Rossii v epokhu voin i revolyutsii (1914–1922 gg.) [Railway Transport in Russia during the Era of Wars and Revolutions (1914–1922)]. Moscow, Transportnaya kniga, 2009, 316 p. (in Russ.)
- Voina, revolyutsiya, mir: Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: 1915–1925 [War, Revolution, Peace: Russia in International Relations: 1915–1925]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 491 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bark P. L.** Vospominaniya poslednego ministra finansov Rossijskoi imperii: 1914–1917 [Memoires of the Last Minister of Finance of the Russian Empire: 1914–1917]. Moscow, Kuchkovo pole, 2017, vol. 1, 492 p. (in Russ.)
- Benoit A. N.** Moi dnevnik. 1916–1917–1918 [My Diary. 1916–1917–1918]. Moscow, Russkii put', 2003, 704 p. (in Russ.)
- Berdyaev N. A.** Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, 346 p. (in Russ.)
- Blok A. A.** Intelligentsiya i revolyutsiya [Intelligentsia and Revolution]. In: Blok A. A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Klassika, 2001, pp. 9–20. (in Russ.)
- Blok A. A.** Zapisnaya knizhka [Notebook]. Moscow, T8RUGRAM, 2018, 474 p. (in Russ.)
- Brodsky N. L., Sidorov N. P.** (comp.). Ot simbolizma do "Oktyabrya" [From Symbolism to "October"]. Moscow, Novaya Moskva, 1924, 303 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Gody stranstvii [Years of Displacement]. Moscow, Ellis Lak, 1999, 861 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Nashi sputniki. 1912–1922 [Our Satellites. 1912–1922]. Moscow, Izdatel'stvo I. V. Vasilyeva, 1922, 199 p. (in Russ.)
- Chulkov G.** Satana [Satan]. Moscow, Zhatva, 1915, 185 p. (in Russ.)
- Durnovo P. N.** Zapiska [Note]. *Krasnaya nov'* [Red New], 1922, no. 6 (10), pp. 178–199. (in Russ.)
- Erberg K.** (ed.). Iskustvo staroe i novoe [Art Old and New]. Petrograd, Alkonost, 1921, 186 p. (in Russ.)
- Florensky P.** Imena: Sochineniya [Names: Works]. Moscow, Kharkov, EKSMO-Press, Folio, 1998, 912 p. (in Russ.)
- Gorodtsov V. A.** Dnevniky uchenogo: 1914–1918 [Diaries of a Scientist: 1914–1918]. Moscow, Istoricheskii muzei, 2019, book 2, 380 p. (in Russ.)
- Ivanov V.** Predchuvstviya i predvestiya. Sbornik [Premonitions and Portents. Collection]. Moscow, Gosudarstvennyi institut teatral'nogo iskusstva, 1991, 102 p. (in Russ.)
- Ivanov-Razumnik.** Zavetnoe. O kul'turnoi traditsii. Stat'i 1912–1913 gg. [Cherished. On the Cultural Tradition. Articles 1912–1913]. Petrograd, Epokha, 1922, 171 p. (in Russ.)
- Kamensky V. V.** Zhizn' s Mayakovskim [Life with Mayakovsky]. Perm', Pushka, 2014, 276 p. (in Russ.)
- Khudozhniki v Pervoi mirovoi voine: V. A. Favorsky – M. V. Favorskaya. I. S. Efimov – N. Ya. Simonovich-Efimova: Pis'ma [Artists in the First World War: V. A. Favorsky – M. V. Favorskaya. I. S. Efimov – N. Ya. Simonovich-Efimova: Letters]. Moscow, 2013, 461 p. (in Russ.)
- Klyachko L. M.** Povesti proshlogo [Stories of the Past]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1930, 176 p. (in Russ.)
- Konenkov S. T.** Prorochestva o voine. Pis'ma Stalinu [Prophecies of War. Letters to Stalin]. Moscow, Rodina, 2003, 240 p. (in Russ.)
- Kravkov V. P.** Velikaya voina bez retushi: Zapiski korpusnogo vracha [The Great War Without Retouching: Notes of a Corps Doctor]. Moscow, Veche, 2016, 432 p. (in Russ.)
- Lukomsky A. S.** Ocherki iz moei zhizni: Vospominaniya [Essays from My Life: Memories]. Moscow, Airis-press, 2012, 750 p. (in Russ.)
- Melgunov S. P.** Vospominaniya i dnevniky [Memories and Diaries]. Paris, Les Éditeurs Réunis, 1964, iss. 1, 246 p. (in Russ.)
- Naumov A. N.** Iz utselevshikh vospominanii [From the Surviving Memoirs]. New York, Izdatel'stvo A. K. Naumovoi i O. A. Kusevitskoi, 1954, book 2. 1869–1917, 377 p. (in Russ.)
- Nilus S. A.** Bliz est', pri dverekh [Nearby, at the Door]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, Rodnaya strana, 2017, 576 p. (in Russ.)
- Novoe vremya [New Time], 1917, March 8. (in Russ.)
- Osoby zhurnaly Soveta ministrov Rossijskoi imperii: 1916 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire: 1916]. Moscow, ROSSPEN, 2008, 758 p. (in Russ.)

- Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannyykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva [The Fall of the Tsarist Regime. Verbatim Reports of Interrogations and Testimony Given in 1917 at the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924, vol. 1, 432 p. (in Russ.)
- Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926, vol. 4, 438 p. (in Russ.)
- Pis'ma i doklady velikogo knyazya Aleksandra Mikhailovicha imperatoru Nikolayu II: 1889–1917 [Letters and Reports of Grand Duke Alexander Mikhailovich to Emperor Nicholas II: 1889–1917]. Moscow, Kuchkovo pole, 2016, 652 p. (in Russ.)
- Rudin, 1916, no. 8. (in Russ.)
- Sabaneev L. L.** Vospominaniya o Rossii [Memories of Russia]. Moscow, Klassika-XXI, 2004, 268 p. (in Russ.)
- Serebrennikov I. I.** Preterpev sudeb udary. Dnevnik 1914–1918 gg [Having Endured the Blows of Fate. Diary 1914–1918]. Irkutsk, Izdatel' Sapronov, 2008, 592 p. (in Russ.)
- Shidlovsky S. I.** Vospominaniya [Memoirs]. Berlin, O. Kirchner and Co., 1923, pt. 2, 212 p. (in Russ.)
- Sovet ministrov Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voyny: Bumagi A. N. Yakhontova (Zapisi zasedanii i perepiska) [Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War: Papers of A. N. Yakhontov. (Recordings of Meetings and Correspondence)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, 560 p. (in Russ.)
- Stepun F. A.** Byvshee i nesbyvsheesya [What Was and What Never Came to Be]. St. Petersburg, Aleteiya, 1994, 644 p. (in Russ.)
- Stepun F. A.** Vstrechi [Meetings]. Moscow, Agraf, 1998, 256 p. (in Russ.)
- Stolypin P. A.** Perepiska [Correspondence]. Moscow, ROSSPEN, 2004, 702 p. (in Russ.)
- Sukhomlinov V. A.** Vospominaniya [Memoirs]. Moscow, Prozaik, 2021, 588 p. (in Russ.)
- “Voina stala protivna, ischezlo vsyakoe predstavlenie o ee nuzhnosti”: Iz voennykh dnevnikov S. I. Vavilova: 1914–1916 gg. [“The war became disgusting, all sense of its necessity disappeared”: From the War Diaries of S. I. Vavilov: 1914–1916]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 2014, no. 4, pp. 115–143. (in Russ.)
- Zapiski sestry miloserdiya Anny Zhdanovoi [Notes of Nurse Anna Zhdanova]. Tver, Triada, 2014, 240 p. (in Russ.)
- Zhirkevich A.** Potrevozhennye teni... Simbirskii dnevnik [Disturbed Shadows... Simbirsk Diary]. Moscow, Eterna-print, 2007, 638 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Прохорович Булдаков, доктор исторических наук
Scopus Author ID 5494056080

Information about the Author

Vladimir P. Buldakov, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 5494056080

*Статья поступила в редакцию 02.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.07.2025; принята к публикации 24.07.2025
The article was submitted on 02.07.2025;
approved after reviewing on 13.07.2025; accepted for publication on 24.07.2025*